

1995, - Русская мысль. 6-12 апр. - с 13

Борису Николаевичу Лосскому — 90 лет

10 апреля нынешнего года исполняется 90 лет одному из постоянных авторов «Русской мысли», замечательному искусствоведу и писателю, человеку удивительной и нелегкой судьбы Борису Николаевичу Лосскому.

Борис Николаевич родился в Санкт-Петербурге в семье философа Николая Онуфриевича Лосского и его жены Людмилы Владимировны (урожденной Стоюниной), дочери основательницы одной из первых в Петербурге частных женских гимназий. В Петербурге прошли ранние годы Лосского. Семнадцати лет вместе со всей семьей, последовавшей за Николаем Лосским в изгнание, он оставил свой родной город и поселился в Праге.

Очень рано, еще в России, средоточием умственных интересов Лосского стала история искусства. Как вспоминает сам Борис Николаевич, большое внимание на формирование его пристрастий оказали поездки с семьей в 1915–1916 гг. во время летних каникул в Тверскую губернию, в имение Романовых Митино (ранее эта усадьба в Новоторжском уезде принадлежала семье Львовых). Барский дом в этом имении был построен в конце 18-го — начале 19-го веков по рисункам архитектора Николая Львова; им же были спроектированы и многочисленные парковые павильоны, в частности, молочный погреб в форме пирамиды. С тех пор воображением мальчика завладели старинные русские усадьбы, проснулась любовь к архитектуре. А затем было чтение первых вышедших томов истории русского искусства Грабаря, журналов «Старые годы», посещение Эрмитажа и Русского музея. Не случайно поэтому в 1927 году, когда Лосский переехал в Париж, он поступил одновременно в Школу Лувра и на филологический факультет Сорбонны. Школу он закончил в мае 1934 года, а университет, где помимо филологического факультета занимался на отделении истории искусства и археологии, — в июне 1937 г.

Темой защищенного в Школе Лувра диплома стало творчество архитектора Жана-Батиста Леблона во Франции. Леблон — французский архитектор, приехавший в Петербург в 1716 году по приглашению Петра Великого и ставший главным архитектором новой столицы. В течение трех лет он строил первые петербургские и петергофские дворцы и в 1719 году умер от оспы. В России творчество Леблона в начале 20-го века было уже осмыслено как значительное явление в русской культуре, но во Франции архитектор был известен мало. Кроме того, русским почти совершенно не был знаком чрезвычайно богатый и в практическом и в теоретическом плане французский период его творчества, то есть все то, что предшествовало его деятельности в России, истоки его стиля. Таким образом, начиная с этого своего первого искусствоведческого труда Борис Николаевич избрал одну из своих научных тем и свою, если так можно выразиться, «культурную линию», связанную с Россией. И хотя только лишь часть его деятельности была сосредоточена на изучении тех французских архитекторов, которые в 18-м — первой половине 19-го века работали в Петербурге, сделанное им в этой области трудно переоценить.

В чем же смысл этой культурной линии Лосского, начало которой было положено еще его дипломной работой? Шел 1934 год. В России последние книги и статьи о творчестве иностранных художников и архитекторов в России вышли в конце 20-х годов. В дальнейшем культурное наследие иностранных мастеров стало подвергаться «русификации». Франческо Бартоломео Растрелли превратился в Варфоломея Варфоломеевича, все иностранные влияния «утонули» в «русском своеобразии». Россию отделили от Европы, опускаясь «железный занавес». Именно в эти годы Борис Николаевич Лосский во Франции продолжал лучшие традиции русского культурного европеизма. Следуя по пути, намеченному Грабарем, Врангелем, Яремичем в «Старых годах», он изучал самые основы русского европеизма — начало петербургского периода русской истории в его художественных связях с Францией. И потому, как только это стало возможным, в 1970-е годы российские искусствоведы стали читать и цитировать про-

изведения Лосского о Леблоне. Ибо именно он, будучи в эмиграции, перекидывал мостик от науки начала века (который был Серебряным веком и для русской искусствоведческой школы) к современности.

В 70-х же годах и сам Лосский после длительного перерыва вернулся к теме, намеченной его дипломной работой. Продолжая поиски Луи Рео (одного из первых исследователей французских влияний в европейском искусстве, бывшего директором Французского института сначала в Петербурге, а затем в Вене), Лосский продолжил свои исследования в области французской архитектуры в России. В это время им было сделано еще несколько значительных открытий. Так, в архивах города Ангюлема, где провел свои последние годы и умер архитектор Валлен-Деламот, много лет проработавший в Петербурге, воспитавший в стенах новообразованной Академии художеств целую плеяду русских архитекторов, Лосский обнаружил 64 рисунка, исполненных Валлен-Деламотом в петербургский период. В сотрудничестве со своими российскими коллегами (в частности, с хранителем музея Академии художеств В.Шуйским) ученый сделал на основании открытых рисунков ряд атрибуций, опубликованных во французских искусствоведческих журналах.

Тогда же, в 70-е годы, Лосский опубликовал и несколько работ о другом французском архитекторе, работавшем в Петербурге, о Тома де Томоне, авторе одного из самых блестящих петербургских ансамблей — стрелки Васильевского острова и Биржи. Тома де Томон представился в Петербурге как ученик парижской Академии, ее римский пансионер. Однако французский искусствовед Дени Рош, занимавшийся этим вопросом, не обнаружил де Томона в списках академических учеников. Зато стараниями Лосского в этих списках был обнаружен некий архитектор Тома. Оказалось, что его швейцарские документы были подложными, а французское аристократическое происхождение — плодом его собственной фантазии. В ходе своих разысканий Лосский обнаружил также и то, что в Петербург Тома де Томон привез с собой немало проектов своих соучеников по Академии, которые затем дорисовывал и выдавал за свои.

Наконец, еще одно интереснейшее открытие, сделанное Лосским совсем недавно и связанное с создателем Исаакиевского собора французским архитектором Огюстом Монферраном. Известно было, что желание архитектора быть погребенным в склепе собора осталось неисполненным, что останки зодчего были перевезены в Париж, где могила его вскоре затерялась. И вот в феврале 1993 года Лосскому удалось найти могилу Монферрана на Монмартрском кладбище, причем выяснилось, что захоронен он был в семейном склепе, автором которого был сам, а надгробие было выполнено из тех же материалов, что и Исаакиевский собор (см. его статью в «РМ» №3893).

Помимо этого ученый опубликовал ряд статей о двух итальянских архитекторах, работавших в Петербурге, — это Винченцо Бренна и Джакомо Кваренги.

К сожалению, все эти публикации, содержащие открытия ученого, остаются малоизвестными в России. И думается, полезно было бы перевести их на русский и издать сборник трудов Лосского о русской архитектуре.

Но вернемся из 70-х годов в 30-е. После прохождения воинской повинности в 1933–1934 годах Лосский довольно долго и плодотворно занимался изучением влияния французской культуры в странах Восточной Европы, изысканием французских произведений искусства, попавших туда в разное время. На стипендии, выданные молодому ученому Национальным центром научных исследований, он работал в Чехословакии, Югославии, Болгарии, Австрии. О работе в России в то время, конечно, не могло быть и речи.

Обширные результаты этих разысканий, содержащие интереснейшие находки, также были опубликованы

в специальных искусствоведческих изданиях во Франции. Среди них выделяются исследования Лосского о руинах дворца Диоклетиана в Спалато и отражении этой архитектурной темы в творчестве Палладио и в палладианстве, впервые обнаруженные на Лондонском международном съезде искусствоведов в 1939 году.

В 1937 году в Праге, где жила семья Лосских, Борис Николаевич познакомился с дочерью болгарского консула Надеждой Константиновной Георгиевой и вскоре женился на ней.

искусствам и занимался возвращением памятников искусства, похищенных во время войны из Франции. Помимо этого, ученый преподавал историю искусства во Французском университете в Инсбруке, а также читал лекции на немецком языке в Инсбрукском университете. Незадолго до своего возвращения во Францию Лосскому удалось устроить выставку произведений из публичных и частных коллекций Тироля.

После возвращения во Францию в 1947 году Борис Николаевич был на-

Б.Н.Лосский — хранитель Музея изящных искусств города Тура. Ок. 1950.

В 1939 году, после занятия немцами Праги, Б.Н.Лосский вернулся во Францию и 1 сентября был мобилизован. А в июне 1940 года он попал в плен и был интернирован в Австрии, к югу от Вены. В течение пяти лет неволи он продолжал несмотря ни на что свои искусствоведческие занятия и даже одно время преподавал историю искусства в «народном университете», организованном в лагере. После освобождения и репатриации он вскоре вновь вернулся в Австрию, будучи приписан к французской Военной администрации. С 1945 по 1947 год он служил там офицером — экспертом по изящным

искусствам и занимался возвращением памятников искусства, похищенных во время войны из Франции. Помимо этого, ученый преподавал историю искусства во Французском университете в Инсбруке, а также читал лекции на немецком языке в Инсбрукском университете. Незадолго до своего возвращения во Францию Лосскому удалось устроить выставку произведений из публичных и частных коллекций Тироля.

После возвращения во Францию в 1947 году Борис Николаевич был назначен директором музея Фонтенбло. На этом посту он и оставался до 1970 года, до выхода на пенсию. После этого продолжались его занятия по изучению творчества французских архитекторов, работавших в России; этим Борис Николаевич продолжает заниматься и поныне, участвуя в работе различных семинаров и исследовательских групп, щедро делаясь своими знаниями с теми, кто идет по его стопам. Продолжает Лосский и работу над своими воспоминаниями, первые части которых были опубликованы в двух сборниках «Минувшего», а отдельные главы в «Русской мысли», — воспоминаний, исполненных удивительного юмора и тончайших деталей, от чтения которых невозможно оторваться.

во дворце. Центральная анфилада была отведена памятникам французского искусства в его историческом развитии. Зал с романскими стенами, перестроенный последним архиепископом в неоклассическом стиле, был восстановлен Лосским в его истинном архитектурном стиле и использован для развески больших полотен французских художников 17-го — начала 19-го веков.

В 1952 году, в год 500-летия со дня рождения Леонардо да Винчи, Лосский организовал выставку французского искусства эпохи Леонардо, умершего в Турени и похороненного в Амбазском замке. Выставка эта прошла с большим успехом.

Интереснейшим начинанием Лосского было и собирание рисунков и живописных работ уроженца Турени художника Луи-Франсуа Кассаса, мало кого интересовавшего в те годы, а ныне все более привлекающего внимание, так что Лувр планирует в ближайшее время устроить выставку его произведений.

Одновременно с директорством в музее с 1951 по 1965 год Лосский преподавал историю искусств в институте изящных искусств в Туре, регулярно принимал участие в работе Французского института в Турени и Центра по изучению культуры Ренессанса. Он играл важную роль в культурной жизни провинции Индра и Луара (центром которой является город Тур), будучи с 1963-го по 1965 год членом регионального комитета по культуре.

1 января 1965 года Борис Николаевич Лосский был назначен директором музея Фонтенбло. На этом посту он и оставался до 1970 года, до выхода на пенсию. После этого продолжались его занятия по изучению творчества французских архитекторов, работавших в России; этим Борис Николаевич продолжает заниматься и поныне, участвуя в работе различных семинаров и исследовательских групп, щедро делаясь своими знаниями с теми, кто идет по его стопам. Продолжает Лосский и работу над своими воспоминаниями, первые части которых были опубликованы в двух сборниках «Минувшего», а отдельные главы в «Русской мысли», — воспоминаний, исполненных удивительного юмора и тончайших деталей, от чтения которых невозможно оторваться.

С днем рождения, Борис Николаевич! Многая лета!

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА

Париж

Лосский Борис Николаевич

6.4.95.